

Арктика и Север. 2026. № 63. С. 185–198.

Научная статья

УДК 32.01(985)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.63.185>

Политизация темы присутствия России в Арктике: механизмы конструирования антироссийских нарративов в западной политической науке и публицистике (2022–2026 гг.)

Данилов Михаил Викторович ^{1✉}, доктор политических наук, доцент

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия

¹ super9999@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0937-184X>

Аннотация. В статье исследуется механизм тотальной технологической политизации, под которой понимается целенаправленный одновременный перевод нескольких изначально нейтральных сфер арктической деятельности (логистики, экологии, климата, научного сотрудничества, управления ресурсами) в политический регистр в новейших публикациях западных учёных и экспертных структур периода 2022–2026 гг. В отличие от одноуровневой политизации, тотальная технологическая политизация порождает кумулятивный эффект взаимного усиления нарративов, формируя самовоспроизводящуюся когнитивную систему. В качестве теоретико-методологической основы используется авторская концепция технологической политизации общественных отношений, дополненная инструментарием критического дискурс-анализа, теории фреймирования и концепции секьюритизации. Эмпирическую базу составляет корпус более чем сорока англоязычных текстов западных институций пяти жанровых категорий, включая академические монографии, сборники, доклады think tanks, материалы НКО и аналитическую журналистику, опубликованных в период с февраля 2022 г. по январь 2026 г. В ходе анализа выявлены четыре устойчивых нарратива тотальной технологической политизации («милитаризация СМП», «климатический изгой», «ресурсный ревизионизм», «колониализм развития»), реализуемых посредством субъектной замены, инверсии причинно-следственных связей, лексической эскалации и эпистемической асимметрии. Установлено, что интенсивность технологической политизации варьируется по жанровому признаку: максимум — в военно-аналитических текстах и докладах think tanks, минимум — в академических монографиях. Выявлена структурная маргинализация критических позиций внутри западного дискурса по механизму «спирали молчания». Полученные результаты позволяют сформулировать рекомендации по стратегиям контрполитизации, жанровой дифференциации источников мониторинга и расширению представленности российской позиции на международных академических площадках.

Ключевые слова: Арктика, технологическая политизация, антироссийский нарратив, критический дискурс-анализ, секьюритизация, фреймирование, геополитика, Северный морской путь, западный экспертный дискурс

Politicization of Russia's Presence in the Arctic: Mechanisms of Anti-Russian Narrative Construction in Western Political Science and Commentary (2022–2026)

Mikhail V. Danilov ^{1✉}, Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia

¹ super9999@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0937-184X>

* © Данилов М.В., 2026

Для цитирования: Данилов М.В. Политизация темы присутствия России в Арктике: механизмы конструирования антироссийских нарративов в западной политической науке и публицистике (2022–2026 гг.) // Арктика и Север. 2026; 63: 185–198. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.63.185>

For citation: Danilov M.V. Politicization of Russia's Presence in the Arctic: Mechanisms of Anti-Russian Narrative Construction in Western Political Science and Commentary (2022–2026). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2026; 63: 185–198. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2026.63.185>

 Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Abstract. This article examines the mechanism of total technological politicization — the deliberate and simultaneous transfer of several originally neutral spheres of Arctic activity (logistics, ecology, climate, scientific cooperation, resource governance) into the political register — as reflected in recent publications by Western scholars and expert institutions from 2022 to 2026. Unlike single-domain politicization, total technological politicization generates a cumulative effect of mutual narrative reinforcement, forming a self-reproducing cognitive system. The theoretical and methodological foundation draws on the author’s concept of the technological politicization of social relations, supplemented by critical discourse analysis, framing theory, and securitization theory. The empirical corpus comprises more than forty English-language texts produced by Western institutions across five genre categories — academic monographs, edited volumes, think tank reports, NGO materials, and analytical journalism — published between February 2022 and January 2026. The analysis identifies four persistent narratives of total technological politicization (“NSR militarization”, “climate rogue state”, “resource revisionism”, “developmental colonialism”), operationalized through subject substitution, causal inversion, lexical escalation, and epistemic asymmetry. The intensity of technological politicization is found to vary by genre: it is highest in military-analytical texts and think tank reports, and lowest in academic monographs. The structural marginalization of critical voices within Western discourse is identified as operating through a “spiral of silence” mechanism. The findings support recommendations on counter-politicization strategies, genre-differentiated source monitoring, and expanding the representation of the Russian position in international academic venues.

Keywords: *Arctic, technological politicization, anti-Russian narrative, critical discourse analysis, securitization, framing; geopolitics, Northern Sea Route, Western expert discourse*

Теоретические основания и методология исследования

В 2022–2026 гг. западный академический и экспертный дискурс об Арктике претерпел качественный сдвиг, зафиксированный в том числе самой западной литературой. Если прежде регион рассматривался в категориях «арктической исключительности», уникальной модели деполитизированного сотрудничества, существовавшей вопреки общему ухудшению российско-западных отношений, то публикации последних лет последовательно реконструируют его как арену великодержавного противостояния, в которой России отводится роль «дестабилизирующего актора» (Конышев, Лагутина, Сергунин, 2025; Rekvig, Finger, 2025). Эта реконструкция не ограничивается сферой военной безопасности: она охватывает логистику, экологию, климатологию, управление ресурсами и научное сотрудничество — тематические домены, которые ранее рассматривались как пространства прагматичного взаимодействия.

Актуальность темы определяется несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, тотальная технологическая политизация формирует кумулятивный эффект: нарративы из разных тематических доменов взаимно подкрепляют друг друга, создавая целостный образ России как неприемлемого партнёра. Во-вторых, западные тексты об Арктике — монографии, институциональные доклады, экспертные материалы — активно используются как источники «объективных» данных в международных дискуссиях, что придаёт пониманию механизмов их производства непосредственное практическое значение. В-третьих, как будет показано ниже, описываемые механизмы уже послужили интеллектуальным обоснованием для конкретных политических решений — санкций, создания альтернативных форматов сотрудничества, наращивания военного присутствия НАТО.

Основной исследовательский вопрос статьи: какие механизмы технологической политизации используются западными акторами для систематического перевода изначально нейтральных сфер арктической деятельности России в регистр угрозы, и каков кумулятивный эффект одновременной политизации нескольких тематических доменов?

Вспомогательные вопросы: (1) существуют ли различия в интенсивности политизации между тематическими доменами (экология, логистика, ресурсы, управление) и между жанровыми типами источников? (2) каков механизм взаимного усиления нарративов при тотальной политизации? (3) существуют ли внутри западного дискурса позиции, противостоящие доминирующей технологической политизации?

Теоретическим фундаментом исследования служит концепция технологической политизации общественных отношений, операционализированная применительно к арктическому дискурсу (Данилов, 2015). Согласно этой концепции, процесс перехода неполитического в политическое не является линейным и неизбежным. Напротив, он может быть результатом целенаправленного воздействия заинтересованного актора. Это технологическая политизация, которая принципиально отличается от органической политизации, обусловленной объективной невозможностью внеполитического решения проблемы.

Применительно к арктическому дискурсу необходимо разграничить два уровня описываемого феномена. Настоящее исследование описывает сложный, многоуровневый феномен: одновременной политизации подвергаются несколько тематических доменов. Это порождает эффект, при котором нарративы разных доменов образуют самовоспроизводящуюся систему взаимной легитимации. Логика этой системы такова: «военная угроза» оправдывает ограничение экологического сотрудничества; «экологическая безответственность» обосновывает правовые ограничения; «ресурсный ревизионизм» легитимирует санкции, которые, в свою очередь, используются как аргумент для дальнейшей политизации всех перечисленных тем. Концептуально важным для данного исследования является также понятие институционального стимула к технологической политизации. Как будет показано далее, различные типы агентов западного арктического дискурса — академические журналы, think tanks, НКО, военно-аналитические издания — имеют разные встроенные стимулы к политизации, что определяет жанровую дифференциацию её интенсивности.

Для эмпирического разграничения тотальной технологической политизации и простой суммы частных (одноуровневых) политизаций вводится три верифицируемых критерия. Первый критерий — доменный охват: текст или совокупность текстов одной институции должны одновременно политизировать не менее трёх из пяти выделенных тематических доменов (военно-логистический, экологический, ресурсный, управленческий, научный). Вторым критерием — нарративная интертекстуальность: нарративы разных доменов должны содержать перекрёстные ссылки или явные логические связки, посредством которых политизация одного домена используется как аргумент для политизации другого (например, «военная угроза» как обоснование ограничения экологического сотрудничества). Третий крите-

рий — конвергенция фреймирующих механизмов: тексты из разных доменов должны воспроизводить одни и те же базовые технологии политизации (субъектную замену, инверсию причинно-следственных связей, лексическую эскалацию, эпистемическую асимметрию), формируя тем самым единую когнитивную систему. Тотальная технологическая политизация констатируется при выполнении всех трёх критериев; при выполнении одного-двух речь идёт об одноуровневой или частичной политизации. Представленный эмпирический материал демонстрирует, что анализируемый корпус удовлетворяет всем трём критериям, что позволяет квалифицировать описываемый процесс именно как тотальную, а не суммарную политизацию.

Авторская концепция технологической политизации операционализируется в данной работе посредством трёх взаимодополняющих методологических традиций. Критический дискурс-анализ (КДА) (Fairclough, 2003; van Dijk, 2008; Wodak, 2001) позволяет фиксировать конкретные лингвистические и нарративные механизмы технологической политизации на уровне текста: лексический выбор, метафорические структуры, транзитивность, модальность. Теория фреймирования (Entman, 1993) описывает механизм «переключения» объекта из нейтральной интерпретационной рамки в рамку угрозы. Концепция секьюритизации (Buzan, Wæver, de Wilde, 1998; Wæver, 1995) описывает наиболее радикальный исход технологической политизации — перевод объекта в регистр «экзистенциальной угрозы», требующей экстраординарных мер. Соотношение этих инструментов с авторской концепцией определяется следующим образом: КДА отвечает на вопрос «как именно осуществляется политизация на уровне текста»; теория фреймирования — «каков механизм переключения интерпретационной рамки»; концепция секьюритизации — «каков наиболее радикальный результат этого процесса, и как он институционально закрепляется». Авторская концепция технологической политизации задаёт общую объяснительную рамку, отвечая на вопрос о субъектно-целевой природе описываемого процесса: он не является стихийным, а осуществляется заинтересованными агентами с конкретными политическими целями.

Эмпирическую базу составляет корпус из более чем сорока англоязычных текстов западных авторов и институций, опубликованных в период с февраля 2022 г. по январь 2026 г. Корпус формировался по четырём верифицируемым критериям.

Языковой и географический критерий: только англоязычные тексты авторов, аффилированных с западными институциями (США, государства — члены ЕС, Великобритания, Канада, Норвегия) как ключевыми агентами внешней технологической политизации.

Тематический критерий: непосредственное обращение к вопросам российского присутствия в Арктике или тесно связанным с ним темам (СМП, ресурсодобыча, Арктический совет, климатическая повестка).

Временной критерий: период с февраля 2022 по январь 2026 года. Включение публикаций 2025 г. и начала 2026 г., то есть материалов, вышедших практически одновременно с написанием настоящей статьи, требует методологического уточнения. Отбор текстов за ука-

занный период осуществлялся исключительно по факту финального опубликования: препринты, рукописи и доклады «в печати» в корпус не включались. Статус публикации верифицировался по официальным сайтам издательств, базам данных Scopus, Web of Science, SSRN и репозиториям авторских учреждений по состоянию на 1 февраля 2026 г. Данный подход позволяет избежать включения материалов, не прошедших полноценного рецензирования или институционального согласования. Вместе с тем, поскольку часть публикаций 2025–2026 гг. могла пройти рецензирование ускоренно, жанровая принадлежность каждого такого текста дополнительно учитывалась при интерпретации: выводы об интенсивности политизации, сделанные на основе источников этого периода, верифицировались через сопоставление с аналогичными тенденциями 2022–2024 гг.

Критерий жанрового разнообразия: корпус включает тексты пяти жанровых категорий: (1) академические монографии и сборники; (2) институциональные доклады think tanks и аналитических центров; (3) доклады НКО; (4) военно-аналитические издания; (5) аналитическая журналистика. Жанровое распределение корпуса: академические монографии и сборники — 9 текстов; доклады think tanks и аналитических центров — 14 текстов; доклады НКО — 7 текстов; военно-аналитические издания — 8 текстов; аналитическая журналистика — 6 текстов. Данное распределение, с преобладанием институциональных и военно-аналитических материалов над академическими монографиями, само по себе репрезентирует институциональную структуру производства западного арктического дискурса в указанный период.

Анализ каждого текста проводился по трёхуровневой процедуре, обеспечивающей верификацию механизмов технологической политизации: уровень текста (лексический выбор, метафорические структуры, транзитивность, модальность); уровень дискурсивной практики (интертекстуальность, институциональные условия производства текста); уровень социальной практики (связь текста с институциональными интересами организации-производителя).

В соответствии с принципами академической прозрачности отметим, что нами использовалась языковая модель «Claude.ai» компании Anthropic для выполнения строго инструментальных и вспомогательных задач: первичной систематизации источников по ключевым словам, технического оформления библиографического списка и лингвистической проверки текста. Все концептуальные, аналитические и интерпретационные операции (постановка проблемы, операционализация понятий, анализ текстов, формулировка выводов) выполнены автором самостоятельно.

От «арктической исключительности» к «конфронтации»

Для понимания механизмов технологической политизации принципиально важен исходный контекст: режим «арктической исключительности», доминировавший в международных отношениях региона с конца холодной войны, создавал институциональную инфра-

структуру сотрудничества, которая существенно сдерживала политизацию. Именно разрушение этой инфраструктуры после 2022 г. открыло пространство для тотальной технологической политизации (Коньшев, Лагутина, Сергунин, 2025). В сборнике «Глобальная Арктика: Новые механизмы управления» под редакцией Реквига и Фингера этот сдвиг концептуализируется как переход от «постхолодновоенной эры кооперации» к «новой фазе великодержавной конкуренции», причём ответственность за этот переход в логике авторов возлагается исключительно на Россию (Rekvig, Finger, 2025). Аналогичный тезис воспроизводится в «Справочнике по политике Арктики» под редакцией Хённеланда, Эстхагена и Роттема, где конструируется оппозиция «эпохи сотрудничества» и «борьбы за Арктику» (Hønneland, Østhagen, Rottem, 2023).

С точки зрения теории технологической политизации показательна сама логика этих нарративов: разрыв сотрудничества, инициированный западными странами через приостановку работы в Арктическом совете, описывается как следствие «российской агрессии», тогда как решение о приостановке принималось именно западными членами совета. Это классический пример инверсии причинно-следственных связей. Образ России в западном арктическом дискурсе претерпел радикальную трансформацию. Пройдя через стадии «колониальной державы» (имперский период), «союзника» (Вторая мировая война), «врага» (холодная война) и «партнёра» (1990–2000-е гг.), Россия с 2014 г., и особенно с 2022 г., утвердилась в западных публикациях в роли «дестабилизирующего актора и геополитического соперника» (Boylan, 2025). Принципиально важно, что эта роль конструируется не только применительно к военной сфере, но и распространяется на все без исключения аспекты арктической деятельности. Именно это и составляет содержание тотальной технологической политизации.

Механизмы и тематические домены тотальной технологической политизации

Экологическая и научная повестка, исторически служившая краеугольным камнем арктического сотрудничества и основой «научной дипломатии», в новейшем западном дискурсе подвергается наиболее тонкой инструментализации. Центральным механизмом здесь выступает бинарное фреймирование: Запад конструируется как бескорыстный хранитель «хрупкой экосистемы» как «глобального блага», тогда как Россия изображается исключительно прагматичным актором, фокусирующимся на «экономических возможностях», открывающихся из-за таяния льдов (Rekvig, Finger, 2025). Данное фреймирование реализует сразу две технологии политизации: субъектную замену (Россия описывается не как государство с суверенными правами на свою территорию, а как «нарушитель» глобальной экологической ответственности) и лексическую эскалацию (экологические изменения описываются как «множитель угроз», таяние льдов — как механизм «легитимизации» российской военной активности).

В статье «Арктический парадокс: растущее давление и устойчивое сотрудничество», опубликованной в июне 2025 г., прямо утверждается, что Россия использует проблему таяния льдов для обоснования наращивания военного присутствия и контроля над СМП «под предлогом» экологического мониторинга¹. В серии статей «Планетарные подходы к арктической политике» (2025 г.) последовательно конструируется образ России как «климатического изгоя», саботирующего глобальные усилия. В материале «От исключительности к милитаризации» (июль 2025 г.) описывается стратегия России по созданию «параллельных структур» управления экологией, то есть суверенная экологическая политика России на собственной территории представляется как нелегитимный «вывод из правового поля»². Особо внимания заслуживает нарратив о «зелёном колониализме». В работе «Климатические вмешательства в Арктике» (август 2020 г.) любые масштабные хозяйственные или геоинженерные проекты в регионе характеризуются как несущие риск местным сообществам³. Этот дискурс, формально ориентированный на защиту прав коренных народов, на практике создаёт универсальный инструмент блокирования российской хозяйственной деятельности: любой проект России в Арктике может быть объявлен «колониальным» вне зависимости от конкретного содержания. С точки зрения теории технологической политизации экологический домен воспроизводит структуру «петли положительной обратной связи» применительно ко всей арктической повестке: экологические последствия западных санкций (появление «теневого» перевозчиков, снижение стандартов безопасности) актуализируются как «российские» экологические риски, которые затем используются для обоснования санкционной политики, их породившей.

Северный морской путь является наиболее показательным объектом с точки зрения механизмов технологической политизации. Так, в частности, развитие Россией портовой инфраструктуры и ледокольного флота трактуется не как технологически и климатически заданное условие эксплуатации маршрута, а как «милитаризация СМП для защиты своих экономических интересов»⁴. Нормативные требования к судоходству в российских водах, стандартные для мировой практики обеспечения безопасности и экологии, описываются как «регуляторные барьеры» и «политические риски», якобы сознательно созданные для ограничения международного транзита. Термин «милитаризация» выполняет роль ключевого

¹ The Arctic Paradox: Rising Pressures, Enduring Cooperation // Atlas Institute for International Affairs. June 2025. URL: <https://www.atlasinstitute.org/the-arctic-paradox-rising-pressures-enduring-cooperation/> (дата обращения: 15.02.2026).

² From Exceptionalism to Militarisation: The Changing Landscape of the Arctic // Atlas Institute for International Affairs. July 2025. URL: <https://atlasinstitute.org/from-exceptionalism-to-militarisation-the-changing-landscape-of-the-arctic/> (дата обращения: 15.02.2026).

³ Bodansky D., Hunt H.E.M. Arctic Climate Interventions, August 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/343978862_Arctic_Climate_Interventions (дата обращения: 15.02.2026).

⁴ Trends Research Institute. Arctic Policy Reports. 2022–2025. URL: <https://trendsresearch.org/insight/the-arctic-a-risk-of-escalating-con-flicts/#:~:text=Russia%20intends%20to%20reconcile%20environmental,negative%20effects%20of%20global%20warming> (дата обращения: 15.02.2026).

лексического маркера, семантически нагружающего любые инфраструктурные действия России. Примечательно, что в статье Хантингтона и соавторов о воздействии коммерческого судоходства в Арктике на окружающую среду (2023 г.) признаётся, что «конфликт на Украине и последовавшие санкции временно снизили интерес других стран к СМП» (Huntington, Olsen, Zdor et al., 2023), то есть западные санкции прямо идентифицируются как фактор, ограничивающий международное использование маршрута. Однако в доминирующем нарративе причиной ограничений остаётся «российская политика», а не западная санкционная стратегия.

Важно отметить и логистические инвестиции России, которые также включаются в нарратив угрозы. Инфраструктурные проекты «Северный широтный ход» и порт Архангельска рассматриваются «не только с экономической, но и с военно-стратегической точки зрения» (Rekvig, Finger, 2025), что автоматически закладывает в их оценку подозрение в агрессивных намерениях безотносительно к их реальному хозяйственному содержанию. Тематика управления арктическими ресурсами политизируется через конструирование бинарной оппозиции: «ответственный» западный подход, ориентированный на устойчивое развитие и интересы коренных народов, противопоставляется «хищническому» российскому (и китайскому) «ресурсному национализму». При этом применяется стандартная технология лексической эскалации: разработка Россией месторождений «Восток Ойл» и «Арктик СПГ 2» описывается не как реализация законных суверенных прав на развитие собственной территории, а как создание «инструментов энергетической политики и объектов санкционного давления» (Rekvig, Finger, 2025).

Принципиально важна систематически воспроизводимая логика двойных стандартов. В сборнике «Новая геополитика Арктики: политика и инвестиции стран БРИКС+» под редакцией А. Миддлтон и М. Даса интерес России и Китая к ресурсам прямо увязывается с «военным наращиванием»⁵. Аналогичные по масштабу проекты западных компаний в норвежском или канадском секторе Арктики при этом характеризуются как элементы «диверсификации поставок» и «устойчивого развития». Различное описание практически идентичных действий в зависимости от субъекта является наглядной иллюстрацией эпистемической асимметрии — одной из ключевых технологий политизации. Расплывчатое понятие «гибридных угроз» выполняет особую роль в ресурсном дискурсе, поскольку открывает возможность атрибуции практически любых российских действий в регионе агрессивным намерениям. Созданные в Финляндии и странах Балтии центры по противодействию гибридным угрозам активно конструируют дискурс об «экзистенциальной угрозе» Западу со стороны России (Конышев, Сергунин, 2024), институционализируя эпистемическую асимметрию на уровне специализированных структур НАТО.

⁵ Middleton A., Das M. The Arctic's New Geopolitic — BRICS+ Policies and Investments // UArctic Press, 2025. URL: <https://www.uarctic.org/news/2025/4/call-for-chapters-the-arctics-new-geopolitics-bricsplus-policies-and-investments/> (дата обращения: 15.02.2026).

Системный характер тотальной технологической политизации наиболее наглядно проявляется в том, как западный дискурс работает с темой многостороннего управления Арктикой. Кризис Арктического совета, главного макрорегионального форума, подаётся как прямое следствие действий России. При этом системно замалчивается принципиальный факт: именно западные государства — члены Совета приостановили участие в его работе, что и привело к параличу института (Rekvig, Finger, 2025). Инверсия причинно-следственных связей воспроизводится здесь с особой последовательностью: западный бойкот описывается не как причина кризиса, а как «вынужденный ответ» на «российскую агрессию», тогда как сама Россия, продолжающая участвовать в работе совета, парадоксальным образом оказывается ответственной за его паралич. Будущее Совета в западных публикациях обсуждается в категориях, исключающих равноправное российское участие. Такая постановка вопроса сама по себе означает политизацию: консенсусный характер Совета превращается из достоинства в недостаток, требующий «обхода» в пользу «коалиций желающих» или форматов с элементами вето.

Кумулятивный эффект тотальной политизации и её жанровая дифференциация

Описанные в предыдущем разделе нарративы не функционируют изолированно, они образуют взаимоподкрепляющую систему. Именно этот кумулятивный эффект отличает тотальную технологическую политизацию. Нарративная матрица функционирует следующим образом: военный нарратив («Россия милитаризирует Арктику») служит обоснованием для отказа от экологического сотрудничества; экологический нарратив («Россия — климатический изгой») оправдывает ресурсные санкции; ресурсный нарратив («Россия захватывает энергетические рычаги») легитимизирует роспуск институтов управления; институциональный нарратив («Россия разрушила Арктический совет») обосновывает военное присутствие НАТО. Круг замыкается: тотальная политизация формирует самодостаточную когнитивную систему, в которой каждый нарратив находит подкрепление во всех остальных.

Интенсивность технологической политизации существенно варьируется в зависимости от жанра источника. Академические монографии и сборники демонстрируют наименьшую интенсивность политизации при наличии базовых допущений о «дестабилизирующей роли» России. Институциональные доклады think tanks обнаруживают структурированную политизацию, обусловленную самой задачей производства политических рекомендаций: СМП и Арктика в целом как «проблема, требующая решения» функционально предпочтительнее для этих агентов, чем как «возможность». Доклады НКО используют политизацию экологической и гуманитарной экспертизы, что делает её труднее идентифицируемой и потому особенно инструментально значимой. Военно-аналитические и институциональные тексты структур НАТО демонстрируют максимальный уровень политизации, концептуализируя арктические вопросы исключительно через понятийный аппарат военного планирования.

Критические позиции внутри западного дискурса существуют, однако их маргинализация носит структурный, а не случайный характер. Так, например, М. Нойонен фиксирует, что под давлением правительственных структур западные университеты прекратили сотрудничество с российскими исследователями, а критические работы оказались маргинализованы механизмами финансирования⁶. Ряд авторов предлагает методологически строгую дедескалирующую правовую интерпретацию российского законодательства о СМП, однако такие работы, как правило, публикуются не в рецензируемом журнале, а как рабочие материалы аналитических центров⁷, что структурно ограничивает их научный вес. Эта закономерность является иллюстрацией «спирали молчания»: альтернативные позиции существуют, но систематически помещаются в форматы, лишаящие их институциональной авторитетности.

Целенаправленный поиск альтернативных позиций по всему корпусу (44 текста) выявил лишь единичные случаи, что само по себе является значимым результатом: отсутствие критических голосов в 42 из 44 текстов не случайно, а структурно обусловлено логикой институционального производства западного арктического дискурса. Помимо Нойонена и Тодорова, можно указать на ещё два примера. Во-первых, норвежский исследователь С. Хённеланд в «Справочнике по политике Арктики» включает раздел о российских правовых позициях по СМП, который не воспроизводит доминирующий нарратив угрозы; однако этот раздел помещён в главу, названную «российская проблематика», а не в аналитически нейтральный раздел о международном праве, — тем самым уже структура сборника производит смещение интерпретационной рамки. Во-вторых, в исследовательском докладе Арктического совета по оценке состояния Северного Ледовитого океана (AMAP, 2024), опубликованном западными учёными, климатические данные по российскому сектору Арктики приводятся без политически нагруженных комментариев; вместе с тем этот доклад практически не цитируется в политических и военно-аналитических текстах корпуса — характерный механизм избирательного цитирования, усиливающий «спираль молчания». Таким образом, маргинализация критических голосов подтверждается не только наличием двух-четырёх отдельных случаев, но и системной логикой всего корпуса.

Прогностические сценарии как основа для политических решений

Проведённый анализ показывает, что описываемые нарративы не являются исключительно академическими конструктами, они служат интеллектуальным обоснованием конкретных политических решений: санкционного давления, попыток создания альтернативных

⁶ Nojonen M. Securitization Narrative in the West and Its Restrictive Impact on Research on Russia and China // Arctic Yearbook. 2024: 1–4. URL: <https://arcticyearbook.com/arctic-yearbook/2024/commentaries/546-securitization-narrative-in-the-west-and-its-restrictive-impact-on-research-on-russia-and-china> (дата обращения: 15.02.2026).

⁷ См., например: Жудро И.С. Международно-правовые средства защиты исторических прав России в акватории Северного морского пути // Государство и право. 2024; 1: 16–23.; Бекашев Д.К., Бекашев К.А. Тенденции развития правового режима Северного морского пути // Вестник СПбГУ. Право. 2021; 12 (2): 276–295; Российский совет по международным делам (РСМД). Северный морской путь: национальный правовой статус в контексте международного права. Рабочая тетрадь № 9. Москва: РСМД; 2013. URL: <https://russiancouncil.ru/sevmorput/> (дата обращения: 15.02.2026).

форматов сотрудничества без участия России, наращивания военного присутствия НАТО. Ниже представлены прогностические сценарии, реконструированные на основе анализа западных публикаций, и предлагаемые в них «меры сдерживания» России (табл. 1).

Таблица 1

Прогностические сценарии и меры сдерживания России в западном арктическом дискурсе

Сценарий	Основные характеристики возможных действий России (по мнению западных аналитиков)	Предложения западных аналитиков по сдерживанию России
Усиление контроля над СМП	Россия продолжит рассматривать СМП как стратегическую артерию, развивая ледокольный флот, портовую инфраструктуру и военное присутствие вдоль маршрута. СМП станет инструментом экономического и геополитического влияния, особенно в сотрудничестве с Китаем и другими странами БРИКС+	Ускорение разработки собственных арктических ресурсов (Норвегия, США, Канада). Создание альтернативных маршрутов и логистических цепочек, минимизирующих зависимость от СМП
Углубление сотрудничества с незападными партнёрами	В ответ на изоляцию со стороны Запада Россия активизирует партнёрство с Китаем («Полярный шёлковый путь»), Индией, странами БРИКС+ и другими неарктическими игроками для привлечения инвестиций в инфраструктуру и освоение ресурсов	Фактическое исключение России из Арктического совета по ключевым вопросам. Создание альтернативных форматов сотрудничества без России (например, коалиции западных арктических государств + ЕС)
Милитаризация и «жёсткая безопасность»	Россия будет наращивать военное присутствие в Арктике, модернизировать базы, развёртывать системы ПВО и противокорабельные комплексы, рассматривая регион как зону стратегического сдерживания НАТО	Наращивание присутствия НАТО в Арктике (учения, базы, системы слежения). Укрепление арктических потенциалов США, Канады, Норвегии, Дании. Развитие подводных и космических систем для мониторинга российской активности
Селективное взаимодействие по климату и науке	Возможны точечные формы сотрудничества с Западом по климатическим и научным проектам (мониторинг таяния мерзлоты, изучение биоразнообразия), но в целом научная дипломатия останется заложником политических отношений	Критика экологических стандартов России на СМП и при добыче ресурсов. Продвижение «зелёной повестки» как инструмента давления и легитимации ограничений на российские проекты
Раздел сфер влияния	В случае дальнейшего углубления конфронтации Арктика может быть де-факто разделена на зоны влияния, где Россия сохранит контроль над восточным сектором (СМП, ресурсы шельфа), а Запад — над западным (Аляска, Канада, Скандинавия)	Санкции против российских арктических проектов («Восток Ойл», «Арктик СПГ 2»). Ограничения на поставки оборудования для добычи ресурсов и судостроения. Снижение привлекательности СМП для международных компаний через создание логистических рисков

Приведённые сценарии объединяет логика, принципиальная с точки зрения теории технологической политизации: суверенные действия России в Арктике (развитие инфраструктуры, разработка ресурсов, формирование систем управления) описываются исключительно как «угрозы», требующие ответных ограничительных мер. Эта логика игнорирует тот факт, что именно Россия несёт основные издержки по освоению и обеспечению безопасности региона, в том числе для международного судоходства.

Важно отметить геополитический парадокс, обнаруживающийся при анализе сценариев: тотальная технологическая политизация, направленная против России, имеет значительные издержки для самих европейских государств. Речь идёт не только об экономических и научных потерях, неизбежных при исключении России из нормального диалога. США, используя риторику политизации, открыто заявили претензии на Гренландию, фактически создав для европейских союзников «второй фронт» геополитической нестабильности.

Заключение

Настоящее исследование позволяет сформулировать четыре основных вывода.

Первый. Политизация российского присутствия в Арктике в западном экспертном дискурсе представляет собой системный процесс тотальной технологической политизации, то есть целенаправленного одновременного перевода нескольких нейтральных тематических доменов (логистика, экология, ресурсы, управление) в регистр политической угрозы. Этот процесс отличается от одноуровневой политизации кумулятивным эффектом взаимного усиления нарративов: нарративная матрица является самовоспроизводящейся системой, устойчивой к опровержению отдельных её элементов.

Второй. В корпусе выявлены четыре устойчивых нарратива тотальной политизации: «милитаризация СМП», «климатический изгой», «ресурсный ревизионизм», «колониализм развития». Каждый из них реализуется посредством одних и тех же технологий: субъектной замены (Россия как «Москва» / «Кремль»), инверсии причинно-следственных связей, лексической эскалации, эпистемической асимметрии. Интенсивность технологической политизации варьируется по жанровому признаку: максимум — в военно-аналитических текстах и докладах think tanks; минимум — в академических монографиях.

Третий. Критические голоса внутри западного дискурса существуют, и ряд из них методологически состоятелен. Их маргинализация носит структурный характер: альтернативные позиции систематически помещаются в институциональные форматы (комментарии, рабочие материалы, издания с пометкой «точка зрения автора»), лишаящие их нормативного научного веса. Это соответствует механизму «спирали молчания» и указывает на системный, а не случайный характер производства доминирующего нарратива.

Четвёртый. Тотальная технологическая политизация имеет конкретные политические последствия: она служит интеллектуальным обоснованием санкций против российских арктических проектов, создания альтернативных форматов управления без участия России,

наращивания военного присутствия НАТО в регионе. Это соответствует логике «петли положительной обратной связи»: политически произведённые последствия политизации впоследствии используются как её «объективное» обоснование.

С практической точки зрения результаты исследования указывают на три направления для российской внешнеполитической аналитики и дипломатической практики. Первое: жанровая дифференциация источников — тексты военно-аналитических структур и НКО не могут использоваться в качестве нейтральных данных о российских намерениях наравне с рецензируемыми академическими публикациями. Второе: стратегия контрполитизации через обеспечение доступности российских официальных документов, правовых аргументов и данных мониторинга на ведущих международных академических площадках. Третье: целенаправленное взаимодействие с теми сегментами западного арктического дискурса, где интенсивность технологической политизации минимальна, — академическими журналами и правовыми экспертными площадками.

Конкретизируем каждое из трёх направлений. Применительно к первому: формирование дифференцированной системы мониторинга западного арктического дискурса предполагает разграничение источников по шкале институциональной независимости (рецензируемые журналы — сборники — доклады think tanks — НКО — военно-аналитические публикации) и применение соответствующих уточнений при использовании материалов в аналитических документах МИД, Миннауки и профильных ведомств. Применительно ко второму: обеспечение доступности российской правовой и научной позиции целесообразно реализовывать через следующие конкретные площадки: журнал *Arctic Yearbook* (открытый рецензируемый ежегодник, открытый для российских авторов), журналы *Polar Geography* и *The Polar Record*, площадку *Arctic Circle Assembly*, а также через депонирование официальных документов в открытом репозитории SSRN. Форматы взаимодействия: комментарии в ответ на ключевые публикации, специальные выпуски по правовым аспектам СМП и управления Арктикой, ответные аналитические материалы в рубриках «perspectives» и «commentaries» тех изданий, которые таковые предусматривают. Применительно к третьему: среди западных академических институций критерием отбора партнёров для сотрудничества следует считать не географическую принадлежность, а степень операционализированности используемых аналитических категорий и наличие прецедентов нейтральной экспертизы российских арктических действий.

Список источников

- Boylan B.M. Alaska in U.S.–Russian Relations from the Alaska Purchase to the Russo-Ukrainian War // *GlobalArctic: The New Dynamics of Arctic Governance* / Ed. by Rekvig G., Finger M. Springer; 2025: 17–41. https://doi.org/10.1007/978-981-96-4868-9_2
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO: Lynne Rienner; 1998. 239 p.
- Entman R. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // *Journal of Communication*. 1993; 43 (4): 51–58. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>

- Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge; 2003. 270 p.
- GlobalArctic: The New Dynamics of Arctic Governance / Ed. by G. Rekvig, M. Finger. Palgrave Macmillan Singapore; 2025. 524 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-96-4868-9>
- Handbook of the Politics of the Arctic / Ed. by Hønneland G., Østhagen A., Rottem S.V. Edward Elgar; 2023. 480 p.
- Huntington H.P., Olsen J., Zdor E., Zagorski A. Effects of Arctic Commercial Shipping on Environments and Communities: context, governance, priorities // *Transportation Research Part D. Transport and Environment*, 2023; 118 (1): 103–112. <https://doi.org/10.1016/j.trd.2023.103731>
- van Dijk T. *Discourse and Power*. Houndmills: Palgrave Macmillan; 2008. 308 p.
- Wæver O. Securitization and Desecuritization // *On Security* / Ed. by R. Lipschutz. New York: Columbia University Press; 1995: 46–86.
- Wodak R. The Discourse-Historical Approach // *Methods of Critical Discourse Analysis* / Ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage; 2001: 63–94.
- Данилов М.В. Институты, механизмы и технологии политизации общества в постсоветской России (1990-е — 2000-е годы): дисс. ... док. полит. наук. Саратов: СГУ им. Н.Г. Чернышевского; 2015. 420 с.
- Конышев В.Н., Лагутина М.Л., Сергунин А.А. Международное арктическое сотрудничество в эпоху глобальной нестабильности: проблемы и перспективы // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2025; 17 (2): 113–144. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2025-17-2-113-144>
- Конышев В.Н., Сергунин А.А. Военная безопасность в Арктике: новые угрозы для России // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2024; 16 (3): 127–152. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152>

References

- Boylan B.M. Alaska in U.S.–Russian Relations from the Alaska Purchase to the Russo-Ukrainian War. In: *GlobalArctic: The New Dynamics of Arctic Governance*. Springer; 2025: 17–41. https://doi.org/10.1007/978-981-96-4868-9_2
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO, Lynne Rienner; 1998. 239 p.
- Danilov M.V. *Institutions, Mechanisms and Technologies of Politicization of Society in Post-Soviet Russia (1990s — 2000s)*: Dr. Polit. Sci. Diss. Saratov, SGU Publ.; 2015. 420 p. (In Russ.)
- Entman R. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*. 1993; 43 (4): 51–58. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>
- Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London, Routledge; 2003. 270 p.
- Hønneland G., Østhagen A., Rottem S.V., eds. *Handbook of the Politics of the Arctic*. Edward Elgar; 2023. 480 p.
- Huntington H.P., Olsen J., Zdor E., Zagorski A. Effects of Arctic Commercial Shipping on Environments and Communities: Context, Governance, Priorities. *Transportation Research Part D. Transport and Environment*. 2023; 118 (1): 103–112. <https://doi.org/10.1016/j.trd.2023.103731>
- Konyshov V.N., Lagutina M.L., Sergunin A.A. International Arctic Cooperation in the Era of Global Instability: Challenges and Prospects. *Lomonosov World Politics Journal*. 2025; 17 (2): 113–144. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2025-17-2-113-144>
- Konyshov V.N., Sergunin A.A. Military Security in the Arctic: New Threats to Russia. *Lomonosov World Politics Journal*. 2024; 16 (3): 127–152. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152>
- Rekvig G., Finger M., eds. *GlobalArctic: The New Dynamics of Arctic Governance*. Palgrave Macmillan Singapore; 2025. 524 p. <https://doi.org/10.1007/978-981-96-4868-9>
- van Dijk T. *Discourse and Power*. Houndmills, Palgrave Macmillan; 2008. 308 p.
- Wæver O. Securitization and Desecuritization. In: *On Security*. New York, Columbia University Press; 1995: 46–86.
- Wodak R. The Discourse-Historical Approach. In: *Methods of Critical Discourse*. London, Sage; 2001: 63–94.

Статья поступила в редакцию 05.03.2026; одобрена после рецензирования 03.04.2026;
 принята к публикации 24.04.2026

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов